

Сауле УСЕНБЕКОВА,
 академик Академии российской
 литературы,
 лауреат международных премий
 «Алаш» и им. В. Пикуля

ВНИМАЯ МУЗЫКЕ МУКАМА...

**(Голос Великой степи в поэзии
 Патигуль Махсатовой)**

Из века в век, струясь волшебной музыкой мукама, вьется вязь уйгурской поэзии – такой же древней и богатой, как тюркский мир. Имея за плечами тысячелетний путь письменной истории, вопреки злосчастным суховеям времени, она взрастила изумрудный Сад поэзии, чьи вековые корни произрастают из многослойной почвы этой удивительной, своеобразной культуры, хранящей верность традициям. Всегда испокон веков в ней было немало достохвальных, ярчайших имен, рядом с которыми померкла слава и закатилась звезда некогда грозных и могучих ханских династий. Воистину, рождаются и умирают царства. Стихи стояли и будут стоять, куда жив язык и есть потребность говорить о вечном: о Родине, о Совести и о Любви.

Еще в одиннадцатом веке великий поэт и мыслитель Юсуф Баласагуни искусно перевел на язык поэзии свои этические, философские и политические воззрения. Так родилась на свет блистательная поэма с подобающим названием «Кутадгу билиг» – «Знание, дающее счастье», одна из жемчужин в драгоценной короне тюркского искусства. Проникая сердцем в первородные пласты уйгурской классической поэзии, несущей на себе отсвет восточной ментальности, невольно окунаешься в самобытный, колоритный мир, опьяняющий своими картинками и образами: яркой радугой кашгарского шелка, цветением весенних урючин, пылающим жаром тандыра, летящими вихрями танца, распахнутыми глазами детей, музыкой, тающей в струнах сатара, красотой женских лиц, степенностью стариков, кроткой тишиной в моленный час намаза... Всё это, благодаря притягательной силе поэзии, воссоздает живой язык.

Искони поэт – символ своей нации, её совесть и честь. Осознавая меру ответственности перед временем, в котором живет, он беспрестанно тревожит наши мысли. Облагораживает таинством прекрасного всё, к чему прикасается жизнь. Пробуждает в дремлющих сердцах чувство сопереживания и проводит по таким сокровенным тропинкам души, о существовании которых молчал холодный ум. Поэт, сумевший преодолеть расстояние от сопки до вершины горы и поднявшийся над личной болью, проникнется болью к каждому из нас и болью за судьбу человечества, за судьбу родной земли. Так каким же впечатляющим и убедительным должен быть слово в устах поэта, когда он говорит от имени целого народа?! Каким огромным должен быть его мировоззренческий диапазон, чтобы влиять на духосознание людей?! Какой неколебимой должна быть его вера, чтобы внушать веру в торжество провозглашаемых им вечных истин?!

Испытывая боль за судьбу Родины, поэт прежде всего переживает за судьбу родного языка. Ибо язык – это код нации. Дух, пропитанный верой, историей

культуры. Он хранит в чистоте родные звуки, запахи, образы, цвета, узоры, которые с фотографической точностью откладываются в подсознании. Утратив родной язык, можно превратиться в «перекати-поле», в ничто – без национальных корней. И святой долг мыслителя-художника – показать бесценные богатства родной культуры через яркие, точные символы так, чтобы каждый из нас испытал гордость за свой народ, чье место в истории человечества. Поднявшись к вершинам знаний, по-новому видишь и осмысливаешь родную культуру, историю, веру. Всезрящая, трепетная любовь к национальному побуждает думать и чувствовать в глобальных масштабах. Это бесценное качество для творца, патриота своей страны и всего прогрессивного и поистине прекрасного, созданного человеческим гением. Так между шестью частями света усилиями величайших умов планеты были раскинута небезызвестные, по определению Германа Гессе, «магические мосты», связующие собою Запад и Восток.

Непостижима власть поэзии. Врачуя словом душу, поэзия, как некий вопрос, обращенный к Создателю, обручает с собою тех, кого недаром божий дар ведет тропой испытаний. В дебрях пустыни, в её уединенной тишине человек изливал свое сердце солнцу, луне, звездам. Так рождались газели, дастаны, пленительные звуки мукама...

Читая Патигуль Махсатову, проникаешься чувством понимания и сопереживания к волеизъявлениям героев, одухотворенных автором, их размышлениям о себе, о мире, о народе, о прошлом и о будущем. Однако поэтесса, которая родилась и выросла в казахстанских реалиях, вместе с генетической памятью, приходящей к ней в голосах предков, унаследовала еще и голос Великой степи. А знание казахского и русского языков не могло не отразиться на манере её художественного письма, что в первую очередь определяется культурой мышления, внутренним напряжением стиха, его особой поэтической интонацией. В этой связи хочется обратить внимание на следующий немаловажный факт, который имеет место в творчестве Патигуль Махсатовой. Под её пером извечно традиционное, неизменное вдруг обретает новые черты, как глиняный сосуд, вдохнувший огонь древности, оживает под кистью мастера. В определенном смысле, без скидки на «женское начало», можно смело сказать, что в уйгурскую литературу пришел глубокий, сокровенный лирик, с собственным вкусом и неподражаемым голосом. Об этой стороне её таланта писал Савутжан Маматкулов: «Чтобы завоевать уважение и любовь народа, поэт не обязательно должен писать много. Патигуль сумела найти свой путь к сердцу читателей. Поэтому сегодня любители поэзии, вне зависимости от возраста, считают Патигуль Махсатову одной из самых ярких поэтесс».

Получив фундаментальное филологическое образование, успешно защитив кандидатскую диссертацию на тему «Уйгурские поэмы», она параллельно совмещает творчество с наукой. Пишет научные статьи, учебники, методические пособия по уйгурской литературе. С 1997 года, когда под её авторством увидел свет сборник литературно-критических статей «Правда жизни – источник вдохновения», издан еще не один её научный труд.

Однако божий дар, каким была отмечена Патигуль с рождения, в буквальном смысле совершил с нею чудо. И теперь уже не наука, а муза всевластно овладевает её душой. Тем более что любовь к поэзии она впитала в себя с молоком матери. Мама Патигуль, так же, как и её знаменитая предшественница Назугум, сочиняет кошак – традиционные уйгурские четверостишия. И маленькая девочка, играя в глубине тенистого сада, не могла не слышать, как рядом с нею, преобразаясь под вязью слов, о чём-то шепчутся стихи. Этот миг прикосновения к чему-то тайному и удивительному, пока еще расплывающемуся в больших солнечных пятнах, не раз напомнит о себе, спустя годы.

*Детство – вдалеке летящий трепетный листок,
Детство – радость, запасаемая впрок.
Я пишу, но не вмещается в стихи
Мое детство – вдохновения исток¹.*

Этот клокочущий жизнью, сладостный ключ счастья проливается светом только в открытой и любящей душе. Чтобы говорить с детьми на понятном для них языке, нужны особые знания и умения. Маленький мудрец никогда не вступит в свои пределы грубых, злых, равнодушных. Природный инстинкт стоит на страже его безопасности. Недаром ребенок и мудрец тянутся друг к другу. У Патигуль это получается легко и от сердца. Вот почему немало своих поэтических книг Патигуль адресует детской аудитории. Уйгурские учащиеся очень тепло приняли её стихи, написанные доброй рукой и добрым сердцем. Один из стихотворных сборников поэтессы («Хочу остаться с вами») представляет собою своеобразный спутник букваря, каждая глава которой в порядке алфавита посвящается Букве. Звонкие, пестрые, смешные, непохожие друг на друга скороговорки так и сыплются из уст книжных героев, что невольно включаешься в эту настоящую, нелживую, божественную игру с чудесным названием – Детство.

Ранняя лирика Патигуль Махсатовой осенена светом юности – самой короткой и дивной поры. В ней разлита легкая, элегическая, еще ничем не омраченная грусть. Это мысли-раздумья о себе, о родине, о природе, как, например, в стихотворении «Почему у белых берез черные пятна?».

*Белые березы, что растут в саду,
Шумный год за годом разговор ведут.
У берез кудрявых горделива стать,
Их ветрам и бурям – гнуть, да не сломать.*

*Молча на березу белую смотрю.
И тоскою той же я теперь горю.
Словно на качелях: сердце вверх и вниз.
Я шепчу березе и себе: держись!*

*Мне милей березки в целом свете нет,
Хоть её окраски не пойму секрет.
Этих черных пятен угольный ожог
На атласной коже объяснить кто б смог?*

*У меня ведь тоже на душе ожог –
Девичьих страданий горестный итог.
Обниму березки трепетную стать:
Нас судьбе-кручине вместе не сломать!*

Как известно, на Востоке не подобает девушке говорить вслух о своих интимных переживаниях. Ей приличествует сдерживать свои порывы и помнить о внутреннем запрете. И лишь обращение к поэтической форме дает возможность выплеснуться скопившимся эмоциям. Что и случилось однажды с Патигуль: свой первый сборник стихов она назвала со всей смелостью, не присущей восточной женщине: «Я в объятьях любви». Поэтессе не раз упрекали в том, что она откровенно и много пишет о любви. Но для Патигуль – это главенствующая тема в творчестве. «Не было бы любви, не было бы поэзии», – вот её однозначный ответ. Иные коллеги советовали поэтессе не выходить за рамки сугубо женской темы, не нарушать установившейся традиции и даже больше: «накинуть паранджу на стихи».

В свое время Турган Тохтамов справедливо заметил: «Патигуль начала писать интимную лирику, что, собственно, отличает её от других уйгурских поэтов». Признавая за поэтессой право писать о том, что дает настоящее, полное ощущение жизни, бесценной для каждого человека, Шаим Шаваев писал: «...Любовная лирика Патигуль так жизненна и правдива, что трогает каждое сердце, не оставляя его равнодушным».

Действительно, лирическая героиня любовных стихотворений Патигуль Махсатовой способна на самый сильный сердечный порыв, на верность, на высокую дружбу.

¹ Здесь и далее переводы Любви Шашковой.

*Я мысленно с тобою говорила,
Пока заря восток не осветила.
Я мысленно с тобою говорила,*

*Пока на запад солнце уходило.
Не завершённым вышел наш роман
В моих стихах о нашей жизни, милый.
(«Судьба»)*

Патигуль всегда искренна в своих стихах, её героиня никогда не прячется под покровом загадочных слов, её мятущаяся душа обнажена, как на раскрытой ладони. Пронзительным чувством тоски, сожаления, тихой, щемящей болью преисполнено всё, что посвящается маме.

*За ночи без сна, что одна проводила,
За слезы твои, отнимавшие силы,
За горечь обиды, что сердце точила,*

*За то, что умчалась удачу ловить, –
Прости меня, мама.
Ты можешь простить.
(«Прости, мама»)*

* * *

Наш мир изменчив. Блеснув пером жар-птицы, минул двадцатый век. Подчиняясь закону космического миропорядка, человечество фактически вступило в качественно новую фазу своей эволюции. По всему видно, что Время наращивает скорость. И всё, что в недрах Космоса, происходит с чрезвычайной быстротой, зеркально отражается на Земле. Однако в более приземленных, низших сферах бытия, особенно в отношениях между людьми, пока не так явно проявляется действие вселенских вибраций. Напротив, складывается впечатление, что мир из растущей горы стал нисходящей, осыпающейся горой.

Неслучайно на фоне духовной инфляции более уязвленными становятся люди творчества, которые не могут равнодушно лицедреть на плохую игру в театре жизни. «Как быть?..» – этот извечный гамлетовский вопрос вновь с тревогой и болью звучит в устах Патигуль, чей поэтический голос, простирающийся во времена Абая и Пушкина, тонет в печали сегодняшнего дня:

*Лета ли, зимы ли дивный свет –
Всё воспел в стихах своих поэт.
Но стихи на рынке не нужны,
На стихи сегодня спроса нет.
И зовут поэта поскорей*

*Золотой восславить юбилей.
Нищих духом,
Но богатых брюхом
Ублажить поэзией своей.
(«Ты – сын матери-земли»)*

Очевидно, кому-то не нравится столь откровенная гражданская прямота Патигуль, но её чуткой природе чужда любая фальшь. Она не может изменить себе, своим моральным устоям, в этом и заключается цельность самодостаточной личности. И всё же как здравомыслящий и творческий человек, наделенный интуицией, Патигуль верит в торжество грядущих перемен, поэтому и заканчивает стихотворение на воодушевляющей ноте.

Чувством сопереживания к национальной трагедии казахского народа в много-страдальной истории Степи, чуть было не утратившей свой язык, свой исконный дух, свои традиции и заветы отцов, пронизано стихотворение «Процветай, Казахстан»:

*Чем веселей домбра твоя звучала,
Тем горше слезы сердце источало.*

И в этом же стихотворении, восславляя независимость нового государства, воздает дань восхищения дружбе народов Казахстана, у которых на всех одна судьба.

*Любой хвалебной оды будет мало,
Чтоб выразить, что сердце подсказало:*

*Цвети, мой Казахстан, как дивный сад,
Нас общая судьба с тобой связала.
(«Процветай, Казахстан»)*

Знаменательно, что сама Патигуль, с рождения вспоенная соками этой земли, в неразрывном единстве с родными корнями, питает дочернюю любовь и к

казахской культуре. В её творческой судьбе исключительно важное место занимает Илия Бахтия – знаковая фигура в уйгурской литературе, друг известнейшего казахского поэта Мукагали Макатаева. Близкие по мощи таланта, оба поэта имели схожую судьбу. Через любовь к поэзии Илии Бахтии Патигуль полюбила и Мукагали Макатаева, чьи «книги не пылятся по архивам», чье слово «было в цель, с жестоким веком споря», чья «душа в безвестье не пропала». И возрадуясь за стихи, которым уготована долгая жизнь в памяти народа, в одноименном стихотворении «Мукагали Макатеу» автор вопрошающе восклицает:

*Сорняки, что заглушали твой цветник,
Где они? Сияют розы горделиво.*

* * *

На Востоке, который воплощает собою в высокой степени чувственный, созерцательный ум, сформировалось свое, особенное отношение к смерти. В восточном сознании, в отличие от европейского, почти отсутствует разделительная грань между Физической и Духовной Реальностью. К примеру, степной человек никогда не скажет «Он умер». «Он вернулся», - говорят казахи в скорбных случаях. Здесь свое представление об идеальном. Прекрасным может быть то, что заставляет человека задуматься о Вечном, изумиться гармонии мироздания и склониться перед величием Закона. Всё это несет с собой Поэзия, остро чувствующая хрупкость, зыбкость, непрочность земного бытия.

Поэтому так понятно обращение поэтессы к столь сокровенной теме в стихотворении «Вспоминай меня».

*Музыка в ночи – струн печальных дар,
Когда смех вчерашний скорбью всхлипнет.
Вспоминай меня, старенький дутар,
От потери дорогой охрипнув.*

*Как моя душа вся в крови живой,
Так в пустыне тамариск алеет...*

*Вспоминай меня, край унылый мой,
Когда все в беспомысленстве немеют.*

*И когда в тоске ты спешишь домой,
И когда вдали тонешь в снах прощальных,
Вспоминай меня, ненаглядный мой.
Пережив меня, милый мой, печальный.*

Все мы – звенья в нерушимой цепи Бессмертия. У каждого из нас – свое назначение в мире. И пока еще движется «караван жизни», нужно успеть сделать нечто настоящее. Ведь эта жизнь – огород Будущего. Всё воздастся!

*Я – всего лишь путник в караване жизни,
Песнями привыкший дороге коротать.
Катится повозка, да тревожат мысли:
Только б не сломалась, как бы не отстать.*

*В этой жизни песен и веселья мало,
Тяжек труд мой вечный – колодец рыть иглой.
Но, может быть, запомнится путник запаздальный
Со своими песнями на дороге той.
(«Караван жизни»)*

И эта тревога, эти сомнения, идущие от сердца и вызванные чувством высокой гражданской ответственности, вполне понятны. Многогранный творческий труд предполагает огромную отдачу душевных и физических сил. Добыть знание – нелегкий труд, это всё равно что «рыть колодец иглой». Передать знание, обогащенное собственным опытом – еще труднее.

В повседневной жизни этой удивительно красивой, нежной, целеустремленной женщины всё находится в соразмерном единстве: супружество и материнство, любовь и дружба, наука и искусство, личное и общественное... Для Патигуль, как и для других её сестер по перу, образцом подражания и примером нравственной высоты не могли не послужить прекрасные образы Аманнисахан и Назугум, чьи имена стали музами уйгурской поэзии. Воссияв звездой Востока, каждая из них осветила счастливый путь Патигуль, для которой «правда жизни – источник вдохновения», которая вместе с генетической памятью, приходящей к ней в голосах предков, унаследовала еще и голос Великой степи.